

В. П. Алексеев, Н. Н. Мамонова

К ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ ЭПОХИ НЕОЛИТА ВЕРХОВЬЕВ ЛЕНЫ

Проводившиеся А. П. Окладниковым раскопки неолитических погребений в бассейне верхней Лены дали большой палеоантропологический материал, значение которого далеко выходит за рамки решения вопросов формирования расовых типов только Прибайкалья. И морфологическое своеобразие, и численность этого материала делают его уникальным явлением в палеоантропологии Сибири и создают основу для изучения генезиса автохтонных антропологических комплексов Северной Азии.

Имеющиеся серии происходят с весьма обширной территории и это (дополнительно к численности) позволяет рассматривать их как представительную выборку. В таблице 1 приведена сводка включенных в исследование скелетов с указанием их пола, возраста и места хранения.

Статья М. Г. Левина о черепах из Верхоленского могильника была заметным явлением в истории изучения неолитического населения верховьев Лены¹, так как она содержала итоги исследования материала из раскопанного в 1950—1951 гг. А. П. Окладниковым могильника, занимающего по числу погребений особое место среди других памятников Прибайкалья. Но краниологический материал из неолитических погребений в бассейне Лены и до публикации статьи М. Г. Левина попадал в поле зрения ученых, и здесь уместно сказать несколько слов о предшествовавших ей попытках анализа этого материала.

Уже в первой статье, посвященной описанию черепов из неолитических могильников Прибайкалья², в таблицах индивидуальных данных были помещены измерения нескольких черепов из могильников Лены — Тутуры, Юшино, Хапчагая. В этой статье — одной из ранних краниологических работ Г. Ф. Дебеца — были использованы приемы анализа, которые он сам подверг позже критике, в частности метод средних разниц Я. Чекановского³. Правда, метод этот не был воспринят некритически — Г. Ф. Дебец дополнил его индивидуальной диагностикой и рассмотрением характера внутрigrупповых корреляций между признаками. Теоретической основой всех этих методов, за исключением последнего, было представление о возможности определения расового типа каждого индивидуума, от которого Г. Ф. Дебец вскоре также отказался. В результате в серии неолитических черепов из Прибайкалья были выделены два основных комплекса, положение которых в расовой систематике было опре-

¹ М. Г. Левин. Антропологический материал из Верхоленского могильника. — «Антропологический сборник», 1. «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. XXXIII, М., 1956.

² Г. Ф. Дебец. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита. — «Русский антропологический журнал», т. XIX, в. 1—2, 1930.

³ Г. Ф. Дебец, М. В. Игнатъев. О некоторых вариационно-статистических «методах» расового анализа в буржуазной антропологии. — «Наука о расах и расизм» («Труды Научно-исследовательского ин-та антропологии МГУ», в. 4). М.—Л., 1938; Г. Ф. Дебец. Методы расового анализа Я. В. Чекановского и его школы. — «Сов. этнография», 1958. № 3.

Палеоантропологические материалы из могильников верховьев Лены и острова Ольхон (раскопки А. П. Окладникова)*

№ п/п	Могильник, № погребения	Год раскопок	Пол и возраст	Место хранения и инв. номер**	Сохранившиеся кости
Серовский этап					
1	Ст. Качуг, п. 1а	1941	♂ mat.	ИМ9019-14	Череп
2	» п. 1а—основное	»	♂	—	»
3	» п. 1б	»	♂ mat.	ИМ	»
4	» п. 1в	»	♂	»	»
5	Верхоленск, п. 1	1930	♂ mat.	ИМ 9019-18	»
6	» п. 3	1951	♂ ad.	МАЭ, 6020-4	Череп, плечевая и бедренная кости
7	» п. 6	»	♂ sen.	МАЭ 6020-6	Череп
8	» п. 10	»	♂ sen.	МАЭ 6020-10	Череп, дл. кости рук и ног
9	» п. 16-I	»	♂ sen.	МАЭ 6020-15	Череп, дл. кости ног
10	» п. 16-II	»	♂ ad.	МАЭ, 6020-16	Череп, дл. кости рук и ног
11	» п. 22-Г	»	♂ ad.	МАЭ, 6020-26	Череп, дл. кости ног
12	» п. 24-А	»	♂ ad.	МАЭ, 6020-28	Череп, лучевая и бедренная кости
13	» п. 25-Б	»	♂ ad.	МАЭ, 6020-32	Череп
14	» п. 29	»	♂ ad.	МАЭ, 6020-40	Череп, б. берцовая кость
15	» п. 15	»	♂ sen.	МАЭ, 6020-14	Череп, бедренная кость
16	» п. 22-Б	»	♂ sen.	МАЭ, 6020-24	Череп
17	» п. 22-В	»	ad.-juv.	МАЭ, 6020-25	»
18	» п. 25-А	»	♂ sen.	МАЭ, 6020-31	»
19	» п. 27-А	»	♂ sen.	МАЭ, 6020-37	Череп, локтевая и б. берцовая кости
20	» п. 8	»	♂ (?) inf. II (11—12 л.)	МАЭ, 6020-7	Череп
21	» п. 22-А	»	♂ ad.-juv.	МАЭ, 6020-23	»
22	» п. 24-В	»	♂ ad.-juv.	МАЭ, 6020-30	»
23	» п. 25-В	»	juv.	МАЭ, 6020-33	»
24	» п. 27-Б	»	♂ juv. II	МАЭ, 6020-38	»
25	» п. 30	»	♂ inf. II (7 л.)	МАЭ, 6020-41	»
26	Коркино, п. 1	1941	♂	ИМ	»
27	Воробьево, п. скальное	1958	♂ mat.	МАЭ, 6369-9	»
28	» п. скальное	»	♂ mat.	МАЭ, 6369-10	»
29	» п. на склоне горы	»	♀ mat.	МАЭ, 6369-8	»
30	Жигалово, п. 1	1936	♀	ИМ, 8720	Плечевая и бедренная кости
31	» п. 1	1929	♀	ИМ	Бедренная кость
Китайский этап					
32	Юшино, п. 1	1927	♂	ИМ	Череп
33	» п. 2	»	♂	»	Череп, дл. кости рук и ног
34	» п. 3, к	1929	♂	»	Череп, дл. кости рук
35	Ст. Качуг, п. 3	»	♂ ad.	МА, 8308	Череп, дл. кости рук и ног
36	Татура, п. 1	1925	♂	ИМ	Череп
37	Стелно-Балтайский ул., п. 1	1930	♂ mat.	МА, 8314	»
38	Картухай Степное, п. 1	1973	♀ mat.	ОАН	Фрагменты черепа и дл. костей рук и ног
Глазковский этап					
39	Манзурка, п. 2	1932	♀ ad.	МАЭ	Череп
40	» п. 1	1974	♀ juv.	ОАН	Дл. кости рук и ног, таз
41	» п. 1а	»	inf. I	»	Фрагменты черепа и дл. костей рук и ног
42	» п. 1, 3	»	♀ ad.	»	Дл. кости ног
43	» п. 2	»	♂ ad.	»	Череп, полный костяк

Таблица 1 (Продолжение)

№ п/п	Могильник, № погребения	Год раскопок	Пол и возраст	Место хранения и инв. номер **	Сохранившиеся кости
Глазковский этап					
44	» п. 3	»	ad.	»	Дл. кости ног
45	» п. 5	»	juv.-ad.	»	Б. берцовая кость
46	Хапцагай, п. 11а	1929	♂	МА, 8304	Череп, бедренная кость
47	» п. 12	»	mat.	МА, 8302	Череп, дл. кости рук
48	» п. 14	»	♂ mat.	МА, 8302	Череп, дл. кости рук и ног
49	» п. 17	»	♂	МА, 8301	Дл. кости рук и ног
50	» п. 19	»	♂ ad.	МА, 8301	Череп, дл. кости рук и ног
51	» п. разграбл.	»	♂	МА	Череп
52	» п. 1	»	♂	ИМ	Бедренная кость
53	» п. 2	»	♂	ИМ	Череп
54	» п. 20	»	♂	»	Дл. кости ног
55	» п. 4	»	(?) inf. II	ИМ, 9019-11	Череп
56	» п. 5	»	inf.	ИМ, 9019-112	Череп
57	Качуг, п. 2	»	♂	МА	Череп, лучевая, локтевая и бедренная кости
58	Ст. Качуг, п. (1—3), (1—9)	1941	♂ ad.	ИМ, 9019-80	Череп
59	» п. 1а	»	♂ ad.	ИМ, 9019-14	»
60	Н. Качуг	1932	♂ ad.	МАЭ	»
61	» п. 1—«звездочка»	1941	♂ mat.	ИМ, 9019-65	»
62	» п. 2	1930	♂ ad.	ИМ, 1019-34	»
63	» п. 4	»	♂	—	»
64	» п. 5	»	ad.	ИМ, 9019-9	»
65	» п. 7	»	ad.	ИМ, 9019-9	»
66	Макарово, п. 2	»	♂	ИМ	»
67	» —	1973	♂ ad. (20—25 л.)	ОАН	Череп, полный костяк
68	» п. 2	1930	♂	ЯМ	Череп, дл. кости рук и ног
69	» п. 1	»	♂ ad.	ИМ, 9019-76	Череп
70	» п. 3	1941	♂ ad.	ИМ, 9019-22	»
71	Шишкино, п. 1	1929	♂ mat.	ИМ, 9019-26	»
72	» п. 1	1941	♂	ИМ	»
73	» п. 2	»	♂	»	»
74	» п. 4	1936	♂	»	»
75	Шишкино II, п. 1	1941	♂	»	»
76	Шишкино, п. 2	1929	♂	ИМ	Череп
77	Верхолениск, п. 14	1951	♂ ad.	МАЭ, 6020-13	Череп, дл. кости рук и ног
78	» п. 18	»	♂ mat.	МАЭ, 6020-18	»
79	» п. 21	»	sen.	МАЭ, 6020-22	»
80	» п. 28	»	mat.	МАЭ, 6020-39	»
81	» п. 17	»	♂	МАЭ, 6020-17	Кости рук
82	» п. 1	»	(?) ad.	МАЭ, 6020-1	Череп
83	» п. 9	»	(?)	МАЭ, 6020-8	Череп, дл. кости рук и ног
84	» п. 12	»	♂ mat.	МАЭ, 6020-12	Череп, б. берцовая кость
85	Коркино, п. 1	1929	♂	ИМ	Череп, локтевая и бедренная кости
86	» п. 1	1941	♂ mat. (45—50 л.)	ИМ, 9019-23	Череп
87	Заплексино, п. 1	1929	♂	МА, 8309	»
88	» п. 4	»	♂	МА, 8310	»
89	Тихое Плесо, п. 1а	»	♂ mat.	ИМ, 9019-33	»
90	» п. 1б	»	♂	ИМ, 9019-66	»
91	Обхой, п. 1	1971	♂ ad.-mat.	ОАН	Череп, полный костяк
92	» п. 13	»	♂ ad.	»	»
93	» п. 1, к. 1	»	♂ ad.	»	Дл. кости рук и ног
94	» п. 10	»	♂	»	Фрагменты костей
95	» п. 5	»	♀ ad.	»	Череп, полный костяк без таза
96	» п. 14	»	♀ juv.	»	Бедренная кость

№ п/п	Могильник, № погребения	Год раскопок	Пол и возраст	Место хранения и инв. № **	Сохранившиеся кости
Байкал, о. Ольхон, Глазковский этап					
1	Хужир, п. 1	1972	♀ ad.	ОАН	Череп, полный костяк
2	» п. 2	»	♂ mat.	»	Полный костяк без черепа
3	» п. 1	1973	♂ ad.	»	»
4	» п. 2	»	♀ ad.	»	»
5	» п. 3, к. 1	»	♂ (?) mat.	»	Плечевая и бедренная кости
6	» п. 3, к. 2	»	inf.	»	Дл. кости ног

* Лишь в Татуре (погр. 1) раскопки проводились О. А. Монастыревой (см. № 36 настоящей таблицы).

** Принятые сокращения: ИМ — Иркутский краеведческий музей; МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград); МА — Музей антропологии МГУ; ОАН — Отдел археологии Института истории, философии и филологии СО АН СССР (Новосибирск); ЯМ — Якутский краеведческий музей.

делено с помощью межгруппового сравнения: тип *A*, основной для серии, резко монголоидный, и типы *B—D*, приближающиеся к европеоидным, но фиксирующиеся уже в смешанном виде. Тип *A* автор в те годы называл байкальским, сближая его с морфологическим комплексом эвенков и эвенов. Вместе с отличительными комбинациями признаков у манси и эскимосов тип *A* рассматривался как палеосибирская формация в составе сибирских монголоидов. Типы *B—D* соотносились Г. Ф. Дебецом с комплексом, представленным среди населения андроновской культуры, в неолите Приладожья и у европеоидных групп, оставивших древние финские курганы. Эти аналогии получили подтверждение в результатах изучения скелета⁴. Для нашей темы важно, что оба мужских черепа с Лены из могильников Тутура и Юшино отнесены ко второму комплексу, и таким образом можно было думать, что на Лене фиксируется европеоидная примесь.

Следующий этап в исследовании палеоантропологических материалов эпохи неолита с территории Прибайкалья также связан с именем Г. Ф. Дебеца и созданной им капитальной сводкой по палеоантропологии СССР⁵. В этой книге специальный параграф посвящен прибайкальскому материалу; автор имел возможность включить в него и итоги обработки некоторых новых материалов из раскопок А. П. Окладникова как на Лене (череп из могильников Шишкино, Верхолениск, Макарово, Новый Качуг), так и на Ангаре⁶.

Увеличение числа черепов позволило дифференцировать их не по морфологическим типам, тем более что ко времени написания книги Г. Ф. Дебец полностью отказался от индивидуальной типологии, посвятив ей во введении содержательные критические замечания, а по территориальным группам. Впервые была выделена верхнененская группа, а материал из бассейна Ангары разбит на две подгруппы — верхнеангарскую и среднеангарскую. Среднеангарская серия оказалась наиболее монголоидной, две другие серии содержали, по мнению Г. Ф. Дебеца, ощутимую

⁴ Г. Ф. Дебец. Расовые типы Минусинского края в эпоху родового строя (к вопросу о миграциях в доклассовом обществе). — «Антропологический журнал», 1932, № 2.

⁵ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. — ТИЭ, т. IV. М. — Л., 1948.

⁶ Чтобы дать представление о масштабе этих раскопок, уместно сослаться на четыре обобщающих отчета: А. П. Окладников. Неолитические памятники Ангары (от Шуйкино до Бурети). Новосибирск, 1974; *его же*. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). Новосибирск, 1975; *его же*. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серово до Братска). Новосибирск, 1976; *его же*. Верхоленинский могильник — памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1978.

европеоидную примесь. Последняя на территории Лены была заметнее, но автор не склонен был придавать этому обстоятельству существенного значения, справедливо полагая, что при малом числе наблюдений различия могли иметь и случайный характер. Любопытно отметить, что в то же время отличию среднеангарской серии от двух остальных по высоте черепной коробки было придано расогенетическое значение, и представленный в ней комплекс признаков получил наименование эскимойдного. Г. Ф. Дебец не отводил ему самостоятельного места, сближая его с другими вариантами монголоидной расы, более низколицыми, и соотнося их все с типом А в работе 1939 г. Вопрос о европеоидной примеси не решался Г. Ф. Дебецом альтернативно, в частности он не исключал полностью и местного происхождения отклонений в европеоидном направлении, но, исходя из морфогенетических соображений, считал его маловероятным.

Книга Г. Ф. Дебеца по палеоантропологии СССР была опубликована в 1948 г., но написана еще до Великой Отечественной войны. Между тем в 1942 г. американский антрополог А. Хрдличка, посетивший перед войной Советский Союз, издал результаты своей обработки неолитического палеоантропологического материала из раскопок А. П. Окладникова, осуществленных в 1936—1937 гг.⁷ Основной вывод А. Хрдлички, постоянно возвращавшегося к аргументации своей гипотезы сибирского происхождения американского человека, состоял в том, что в неолитической серии из Прибайкалья, как и в энеолитической серии афанасьевской культуры из Хакасии и Алтая, мы должны видеть древних американоидов, предков американских индейцев. Последние отличаются от сибирских монголоидов отсутствием или слабым развитием некоторых характерных монголоидных признаков, эпикантуса например, а также более выступающим носом и более профилированным лицом. Точно такой комплекс, отличный от современного сибирского, фиксируется в неолите Прибайкалья (исключая, конечно, неопределимый на палеоантропологическом материале эпикантус, вариации которого у неолитического населения остаются неизвестными), и, следовательно, трактовка А. Хрдлички косвенным образом была направлена против идеи наличия европеоидной примеси в составе неолитических племен Прибайкалья⁸.

Г. Ф. Дебец ответил на эту статью А. Хрдлички работой, в которой подверг вопрос о сходстве афанасьевских и прибайкальских черепов с американскими индейскими сериями специальному исследованию⁹. Он использовал в ней приемы определения степени выступления носовых костей и уплощенности лицевого скелета с помощью углов, дакриальных и симотических размеров, а также соответствующих указателей — приемы, позже широко вошедшие в практику работы советских краниологов¹⁰. Величины, характеризующие уплощенность лица и носа, оказались различными на черепах прибайкальского неолита и афанасьевской культуры: если для первых подтвердилось сходство в строении лица с индейскими краниологическими сериями, то вторые имели лицевой скелет типично европеоидного облика. Таким образом, поддержав концепцию А. Хрдлички в одной области, Г. Ф. Дебец показал ее несостоятельность в другой. Вопрос о европеоидной примеси был оставлен открытым, хотя возможность ее наличия не отрицалась.

⁷ А. Hrdlicka. Crania of Siberia.— «American journal of physical anthropology», vol. 29, № 4, 1942.

⁸ См. также относящуюся к более раннему времени гипотезу о недифференцированном типе протомонголоидного населения в составе коренного населения Америки: Я. Я. Рогинский. Проблемы происхождения монгольского расового типа.— «Антропологический журнал», 1937, № 2.

⁹ Г. Ф. Дебец. О древней границе европеоидов и американоидов в Южной Сибири.— «Сов. этнография», 1947, № 1.

¹⁰ Об истории разработки этих приемов и введении их в научный оборот см.: В. П. Алексеев, Г. Ф. Дебец. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.

Дальнейшее развитие взглядов Г. Ф. Дебеца на систематическое положение и генеалогические взаимоотношения неолитического населения Прибайкалья происходило не столько под влиянием накопления новых данных по палеоантропологии неолита, сколько под воздействием его собственных работ по антропологии современного населения Сибири, нашедших отражение в книге об антропологических исследованиях в Камчатской области¹¹. Содержание этой монографии значительно шире ее скромного названия — она охватывает результаты как соматологического, так и краниологического изучения автором сибирских народов в целом. Естественно, что специальный раздел в ней посвящен палеоантропологии неолитического населения Прибайкалья, в котором в обобщенном виде трактуется как весь доступный к тому времени материал, так и проблемы его интерпретации. Материал увеличился по сравнению с тем, который был использован в книге по палеоантропологии СССР, за счет черепов из разных раскопок, поступивших в Иркутский областной краеведческий музей в предвоенные и военные годы. К сожалению, индивидуальные измерения остались неопубликованными. В соответствии с разработанной А. П. Окладниковым периодизацией, полное обоснование которой появилось в печати позже¹², но было известно Г. Ф. Дебецу в рукописи, вся серия была разбита на три хронологических этапа: первый включал черепа из погребений хиньской, исаковской и серовской стадий периодизации А. П. Окладникова, второй — китойской стадии и, наконец, последний — глазковской и шиверской. Кроме того, был использован и территориальный принцип, и весь материал разбит на те же три локальные группы, но включающие большее число черепов каждая: в частности, в интересующую нас верхнеленскую группу попало 24 мужских черепа вместо 15, по которым были вычислены средние в книге по палеоантропологии СССР.

Не обнаружив в отдельных территориальных и хронологических группах каких-то сдвигов в направлении приближения к европеоидному комплексу и помня об ослаблении монголоидного комплекса у американских индейцев, Г. Ф. Дебец в общей оценке места неолитического населения Прибайкалья склонялся к гипотезе недифференцированности, тем более что и на единичных известных тогда неолитических черепах из Восточной Сибири (Бугачан и Забайкалья (Фофаново) он увидел ослабление монголоидных особенностей. Справедливости ради нужно отметить, что руководствовался он при этом существовавшими в те годы представлениями о разграничительных признаках европеоидов и монголоидов, согласно которым в число этих признаков входила высота лицевого скелета. Позже появились данные о низколицых монголоидах в Центральной и Восточной Сибири (кстати, такие данные о низколицых эвенках Подкаменной Тунгуски были опубликованы самим Г. Ф. Дебецом в той же книге), о распространении низколицых монголоидных форм в прошлом¹³, и высоту лица пришлось исключить из числа признаков, дифференцирующих монголоидные и европеоидные группы. На черепе из Бугачана о степени монголоидности можно судить лишь по выступанию носовых костей: они выступают как у наиболее плосколицых в Сибири тунгусо-маньчжурских народов Амура; на черепах из Фофановского могильника мы также сталкиваемся и с сильно уплощенным лицом, и с очень малым выступанием носовых костей, т. е. в обоих случаях об ослаблении монголоидного комплекса не приходится говорить. Основной аргумент против наличия евро-

¹¹ Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Камчатской области.— ТИЭ, т. XVII, М., 1951.

¹² А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование, ч. 1 и 2.— «Материалы и исследования по археологии СССР», М., 1950, № 18; ч. 3 — Там же, М., 1965, № 43.

¹³ Единственная ранняя (возможно, неолитическая) из таких находок в Восточной Сибири описана: Г. Ф. Дебец. Древний череп из Якутии.— «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее — КСИЭ), в. XXV, М., 1956.

пеоидной примеси в составе неолитического населения Прибайкалья, следовательно, отпал.

Упомянутая выше статья М. Г. Левина о Верхоленском могильнике хронологически следует за книгой Г. Ф. Дебеца и содержит краткое обсуждение всех тех проблем, которые трактовались Г. Ф. Дебецом. В развернутом виде система взглядов на генезис антропологического типа неолитического населения Прибайкалья была изложена М. Г. Левиным в книге, посвященной общим проблемам антропологии и этногенеза Восточной Сибири и Дальнего Востока¹⁴. Перед публикацией статьи о Верхоленском могильнике и непосредственно за книгой Г. Ф. Дебеца М. Г. Левин издал описание важного для нашей темы черепа из раскопанного А. П. Окладниковым погребения глазковского времени в Шилкинской пещере¹⁵, увеличив тем самым число известных палеоантропологических находок неолитической эпохи из Восточной Сибири без заметной европеоидной примеси. Кстати, уже в этом кратком описании М. Г. Левин мимоходом отметил, что резко выраженная монголоидность черепа из Шилкинской пещеры — аргумент против последнего варианта концепции Г. Ф. Дебеца по интересующему нас вопросу, т. е. против гипотезы исходной антропологической недифференцированности неолитического населения Прибайкалья. М. Г. Левин критикует эту концепцию и в теоретической части статьи о Верхоленском могильнике, и в соответствующих параграфах своей книги.

Но прежде следует сказать о том фактическом вкладе, который вносит статья М. Г. Левина в известный до нее материал по палеоантропологии неолитической эпохи на Лене. В могильнике было вскрыто 31 погребение, давшее богатый костный материал хорошей сохранности. В результате количество данных по сравнению с публикацией Г. Ф. Дебеца увеличилось приблизительно вдвое. М. Г. Левин исследовал этот материал во всеоружии методических приемов, известных к тому времени, т. е. включил в программу помимо традиционных способов измерения черепа определение уплощенности лицевого скелета с помощью углов, дакриальных и симотических размеров. Изучены были и кости скелета. Полнота научной морфологической характеристики позволила автору, выделяя черепа с европеоидной примесью, ограничиться не только общей оценкой их антропологических особенностей, но и привести в пользу своего вывода точные данные о сдвигах в комплексе признаков. Коэффициенты внутригрупповой корреляции между признаками, различающимися в европеоидных и монголоидных сериях, при всей малочисленности наблюдений расположились в направлении, также свидетельствующем о смешанности серии. Параллельно М. Г. Левин выступил и против точки зрения М. М. Герасимова о недифференцированном характере морфологических особенностей неолитических племен Прибайкалья, высказанной им в те же годы после осуществления серии графических реконструкций по неолитическим прибайкальским черепам¹⁶. М. Г. Левин справедливо отметил, что суждение М. М. Герасимова опиралось на оценку расовых типов у отдельных индивидуумов, которая несвободна от субъективизма и поэтому не может быть принята. Все эти наблюдения не дали, разумеется, положительного решения проблемы наличия европеоидной примеси среди неолитических популяций Прибайкалья, в частности и у интересующего нас населения Лены, но продемонстрировали ее сложность и показали относительность аргументов в пользу гипотезы недифференцированности. Разбиение материала по этапам (достаточные данные имелись

¹⁴ М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.— ТИЭ, т. XXXVI, М., 1958.

¹⁵ М. Г. Левин. Древний череп с реки Шилки.— КСИЭ, в. XVIII, М., 1953.

¹⁶ М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек).— ТИЭ, т. XXVIII, М., 1955.

только по раннему — серовскому и позднему — глазковскому этапам) не выявило каких-либо ощутимых морфологических различий между ранними и поздними группами.

В 60-е и начале 70-х годов было опубликовано несколько работ с описанием единичных неолитических черепов из раскопок разных исследователей в Прибайкалье¹⁷, а также исследования, в которых неолитический материал из Прибайкалья в сопоставлении с другими данными привлекался для доказательства широкого расселения европеоидов в Южной Сибири и Центральной Азии начиная с энеолитического времени¹⁸. Но резкое увеличение фактической информации началось лишь после того, как был исследован весь доступный материал по очень обширной программе, включающей и введенные в оборот в последние два десятилетия дискретно-варьирующие признаки¹⁹, с использованием данных Г. Ф. Дебеца по ныне утерянным черепам. Этот материал был разбит на группы, соответствующие современному состоянию знаний о вариантах неолитической культуры Прибайкалья и Забайкалья и дифференцирован по хронологическим этапам в соответствии с археологической периодизацией, разработанной А. П. Окладниковым. Суммарные данные по дискретно-варьирующим признакам опубликованы в качестве сравнительных в статье, специально посвященной вариациям этих признаков у современного коренного населения Сибири²⁰. Неолитическое население Прибайкалья заняло по этим признакам место, близкое к среднему для всех сибирских народов. Отдельный подсчет частоты дискретно-варьирующих признаков в ангарской и ленской сериях по хронологическим этапам не обнаружил направленных различий ни по этапам, ни между обеими территориальными группами²¹.

В метрических признаках Н. Н. Мамонова не обнаружила, как и предшествующие исследователи, каких-либо ощутимых различий между ангарской и ленской сериями, хотя и обратила внимание на то, что размеры лицевого скелета на Лене были несколько меньше, чем на Ангаре, и он отличался немного большей уплощенностью. Основное внимание было уделено внутригрупповым различиям по хронологическим этапам и их объяснению с помощью межгруппового сравнения, т. е. сравнения различных территориальных групп неолитического населения из районов вокруг озера Байкал. Автор заметила морфологические отличия китойских племен на Ангаре от серовских и глазковских и поставила их в связь с характерным комплексом населения Забайкалья. Сходство забайкальских неолитических племен с китойскими было продемонстрировано как графически, так и с помощью использования статистических критериев значимости морфологических различий между группами. Дополнительным аргументом послужила и ссылка на археологические наблюдения В. Н. Чернецова, согласно которым западная граница так называемого даурского неолитического ареала сдвинулась в определенную эпоху через Байкал к западу, и даурские традиции привели к появлению в Прибайкалье, на верхней Ангаре, китойского населения и китойской культуры²².

¹⁷ А. И. Казанцев. Неолитические черепа из Приангарья.— «Сов. антропология», 1959, № 1; *его же*. Антропологические данные о скелетах из неолитических погребений Приангарья.— «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961.

¹⁸ В. П. Алексеев. Современное состояние краниологических исследований в расоведении.— «Вопросы антропологии», в. 30, 1968; *его же*. Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии.— «Бронзовый и железный век Сибири», Новосибирск, 1974; *его же*. География человеческих рас. М., 1974.

¹⁹ А. А. Мовсесян, Н. Н. Мамонова, Ю. Г. Рычков. Программа и методика исследования аномалий черепа.— «Вопросы антропологии», в. 51, 1975.

²⁰ Ю. Г. Рычков, А. А. Мовсесян. Генетико-антропологический анализ распространения аномалий черепа у монголоидов Сибири в связи с проблемой их происхождения.— «Человек. Эволюция и внутривидовая дифференциация». М., 1972.

²¹ Н. Н. Мамонова. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным.— «Проблемы археологии Урала и Сибири». М., 1973.

²² В. Н. Чернецов. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита.— «Проблемы археологии Урала и Сибири». М., 1973.

Основные краниометрические признаки черепов из могильников Верхней Лены

Признаки	Мужчины			Женщины	
	Серово	Китой	Глазково	Серово	Глазково
1. Продольный диаметр	185,6 (16)	193,3 (3)	189,9 (26)	182,8 (6)	183,6 (16)
8. Поперечный диаметр	143,0 (16)	146,0 (4)	142,0 (27)	142,0 (5)	138,9 (15)
8:1. Черепной указатель	77,2 (16)	74,2 (3)	75,2 (27)	77,5 (5)	75,7 (15)
17. Высотный диаметр	132,0 (16)	134,3 (3)	131,1 (18)	126,2 (4)	124,3 (11)
45. Скуловой диаметр	139,8 (17)	141,3 (4)	139,2 (24)	131,8 (5)	130,0 (16)
48. Верхняя высота лица	72,1 (16)	72,5 (4)	74,6 (25)	71,8 (5)	68,9 (16)
48:45. Верхнелицевой указатель	51,9 (16)	52,7 (3)	53,8 (22)	54,4 (5)	53,2 (14)
77. Назомалярный угол	146,1 (16)	152,0 (2)	146,2 (24)	148,8 (6)	147,5 (12)
∠ zm'. Зигомаксиллярный угол	137,6 (15)	133,1 (2)	137,8 (20)	140,8 (5)	135,7 (12)
75(1). Угол выступаения носа	21,7 (13)	25,0 (2)	24,7 (18)	19,3 (3)	19,8 (8)

В пользу такой гипотезы, как указывал автор, говорит и малая площадь ареала китойской культуры по сравнению с серовской и глазковской.

Каково же современное состояние наших знаний об антропологических особенностях неолитических племен Прибайкалья, различиях между ними по разным территориальным группам и хронологическим этапам? Вариации основных краниометрических признаков по ленской серии, разделенной в соответствии с тремя хронологическими этапами — серовским, китойским и глазковским, представлены в таблице 2. К сожалению, данные по китойскому этапу малочисленны и поэтому малоприспособны для сколько-нибудь объективного анализа. В то же время наша информация о населении серовского и глазковского этапов основана на многочисленных сериях, и хотя эти серии и недостаточны для использования статистического подхода, но все же позволяют осуществить объективное сравнение и получить представление о различиях между ними.

Глазковские черепа более длинноголовы по сравнению с серовскими и соответственно имеют меньший черепной указатель. Высота черепной коробки практически одинакова от базиса и на миллиметр меньше у глазковских черепов от порионов. Лобная кость на глазковских черепах более наклонна, чем на серовских. Таким образом, если оценивать вариации черепной коробки в целом в обеих хронологических группах, то можно отметить, что они незначительны, но в то же время не соответствуют обычно наблюдаемым различиям между ранними и поздними сериями; на территории Советского Союза в большинстве районов поздние серии более брахикранны, и лобная кость в связи с этим располагается прямее²³.

Переходя к лицевому скелету, следует прежде всего отметить, что он относительно небольшой, если сравнивать неолитическое население с современным. Действительно, ширина лица, хотя и на десятые доли миллиметра, но меньше 140 мм, высота лица в обеих сериях соответствует тому, что мы имеем обычно в краниологических материалах с территории Западной Сибири, где понижение высоты лицевого скелета связано в большинстве случаев с европеоидной примесью. Орбиты в соответствии с небольшой высотой лица также относительно невысокие. Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что при одинаковой ширине

²³ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР; его же. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида.— «Сов. этнография», 1961, № 2.

лица глазковские черепа более высоколицы и высокоорбитны — это опять не совпадает с наблюдаемым направлением хронологических сдвигов в однородном населении на территории большинства районов Советского Союза. Нос высокий, грушевидное отверстие средней ширины, носовой указатель поэтому малый. Но при одинаковой ширине грушевидного отверстия нос в глазковской серии выше в связи с большей высотой лица, что приводит к уменьшению носового указателя. По указателю выступающего лицевого скелета Фогта — Флауэра, отражающего вертикальный профиль лица, лицевой профиль мезогнатен и у серовских, и у глазковских черепов. Общий угол лицевого профиля также попадает в категорию средних величин. Этим неолитическое население верховьев Лены отличалось (как, впрочем, и некоторыми другими перечисленными выше признаками — сравнительно малыми размерами лица и относительно низкими орбитами, узким носом) от современных сибирских монголоидов, краниологический комплекс которых характеризуется мезогнатностью по указателю, но ортогнатностью по углу²⁴.

Важную характеристику любой краниологической серии, особенно в расово-диагностическом отношении, составляют горизонтальный профиль лица и выступание носовых костей к линии лицевого профиля. В обеих рассматриваемых сериях профилировка лица умеренная и соответствует, как и высота лица, примерно тем величинам, которые свойственны народам Западной Сибири: у смешанных по происхождению народов Южной Сибири также зафиксированы близкие величины²⁵. Различия между сериями неопределенны — в глазковское время назомаллярный угол на градус больше, но зато точно так же на градус меньше зигомаксиллярный угол. Более заметны различия в выступании носа к линии лицевого профиля — на черепах глазковской серии он выступает сильнее на три градуса. Соответственно на этих черепах больше симотическая высота и выше симотический указатель. Но дакриальная высота и дакриальный указатель (на живых эти признаки определяются описательно, как высота переносья) в обеих сериях одинаковы. В целом, следовательно, некоторое усиление выступания носа в глазковское время может быть при таком числе наблюдений результатом случайных вариаций.

Возможно, удастся подметить закономерный характер различий между серовской и глазковской сериями, охватывая их в комплексе? Черепа серовской стадии несколько более короткоголовые и брахиокранны, с более низким лицом и орбитами, более широконосы, с более плоскими носовыми костями и слабо выступающим носом. Черепа глазковской серии по тем же признакам образуют противоположную комбинацию. Ни масштаб различий по каждому из отдельных признаков, ни сами сочетания не дают возможности трактовать их как носящие расогенетический характер. В свете сказанного надо, видимо, рассматривать обе серии примерно так же, как это сделала Н. Н. Мамонова для серий разных хронологических этапов с территории Ангары, т. е. в рамках антропологического единства, свидетельствующего о тесной общности их происхождения.

Более малочисленные женские серии мало добавляют к сказанному. Вывод о единстве морфологического типа ленского населения полностью подтверждается и наблюдениями над женскими черепами. Это тот же долихокранный, с умеренной высотой черепной коробки, вариант, с довольно крупным, сильно, но не максимально по монголоидному масштабу, уплощенным лицом, с уплощенными носовыми костями. Все же нельзя не отметить микроразличий, существующих и между женскими сериями и частично повторяющих аналогичные различия на мужских черепах. Они проявляются в продольном диаметре и черепном указателе, высоте

²⁴ См. об этом: Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Камчатской области.

²⁵ В. П. Алексеев. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения. — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, М., 1960.

черепной коробки, ширине лица, выступании носовых костей. Наоборот, в высоте лица они обнаруживают обратную тенденцию по сравнению с мужскими сериями. К сожалению, и женские черепа китойского времени, как и мужские, единичны, и поэтому вывод Н. Н. Мамоновой о своеобразии китойских популяций Ангары не может быть проверен на ленском материале.

После внутригруппового сравнения ленских серий целесообразно перейти к межгрупповому сопоставлению и привлечь к анализу ангарский материал. Как мы помним, Г. Ф. Дебед в 1948 г. при разбивке его на две территориальные группы — верхнеангарскую и среднеангарскую — получил различия в высоте черепной коробки, которым он придал определенный таксономический вес, и в размерах лица, которые он оставил без внимания. Но дальнейшее накопление данных как-то стерло эти различия и дало возможность рассматривать весь материал в соответствии с хронологической разбивкой по археологически охарактеризованным культурным этапам. Результатом этого подхода по хронологическим этапам и явилась, как уже упоминалось, возможность констатации инородного происхождения китойских племен по сравнению с более ранними — серовскими и более поздними — глазковскими и, наоборот, единого происхождения этих двух последних групп. Теперь нам и предстоит рассмотреть, каков этот основной для неолитического населения Ангары морфологический комплекс и чем он отличается от представленного на Лене.

При сопоставлении с ленскими сериями ангарские (имеются в виду здесь, как и далее, серовская и глазковская) более клиноголовые и поэтому несколько более долихокранны (табл. 3). В ширине лобной кости разницы нет, но положение ее на ангарских черепах наклонное, как и в глазковской серии с Лены; в серовской серии с Лены, как мы помним, положение ее ближе к прямому. Размеры лицевого скелета больше, хотя по высоте он все же ниже, чем у современных классических сибирских монголоидов. Также выше орбиты и нос, что при такой же, как на Лене, ширине грушевидного отверстия дает низкие величины носового указателя. Вертикальный профиль более ортогнатен и по указателю Фогта — Флауэра, и по общему лицевому углу. По горизонтальному профилю сибирские серии не вполне однородны — в глазковской серии оба угла несколько меньше, но различия таковы, что при сравнительно небольшом числе наблюдений они могут носить и случайный характер. Выступление носа на ангарских черепах такое же, как и в поздней ленской серии, но переносье чуть ниже, хотя в этой разнице трудно видеть нечто большее, чем случайные вариации. Таким образом, комплекс признаков, свойственный неолитическому населению Ангары, ненамного отличается от аналогичного комплекса на Лене, а если между ними и существовали какие-то различия, то они носили локальный характер (см. рис.). Подтверждается все это и рассмотрением женских черепов.

Вполне отдавая отчет в общем единстве антропологического состава серовского и глазковского населения Прибайкалья и малого масштаба различий между отдельными локальными и временными группами, мы в то же время не можем пройти мимо одного обстоятельства, важного для понимания подлинных взаимоотношений между отдельными группами племен. Речь идет о преимущественном сходстве ангарских серий, особенно ранней серовской серии, с поздней глазковской серией с Лены. Правда, между ними наблюдаются и различия, отражающиеся в ширине лица (на Лене заметно уже), вертикальном профиле лицевого скелета (на Лене прогнатнее), строении переносья (на Лене немного выше). Но на фоне сходства в вариациях комплекса перечисленных признаков различия выглядят малозначительными. Как объяснить это направление сходства? Создается впечатление, что такое сходство не носит конвергентного характера и, возможно, имеет в своей основе конкретный этногенетический процесс, а именно переселение какой-то довольно значи-

Основные краниометрические признаки черепов из могильников Приангарья

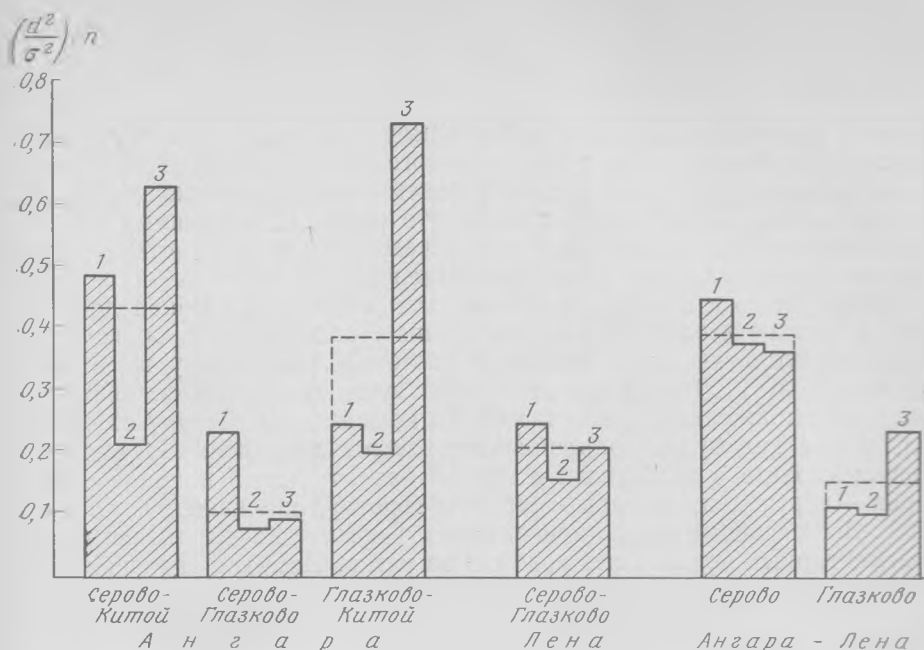
Признаки	Мужчины			Женщины		
	Серово	Китой	Глазково	Серово	Китой	Глазково
1. Продольный диаметр	193,9 (19)	187,6 (18)	191,7 (29)	182,6 (10)	180,9 (11)	184,1 (27)
8. Поперечный диаметр	146,9 (19)	143,8 (18)	145,2 (29)	140,6 (10)	139,9 (11)	138,7 (28)
8 : 1. Черепной указатель	75,3 (19)	76,5 (17)	75,8 (29)	77,5 (8)	77,4 (9)	75,7 (27)
17. Высотный диаметр	133,4 (14)	127,4 (13)	131,8 (24)	125,8 (6)	124,4 (8)	129,4 (17)
45. Скуловой диаметр	142,2 (16)	140,6 (13)	142,4 (28)	134,1 (9)	136,3 (8)	131,7 (21)
48. Верхняя высота лица	76,1 (15)	75,1 (14)	74,9 (26)	68,9 (8)	72,9 (8)	71,3 (24)
48 : 45. Верхнелицевой указатель	52,8 (12)	53,6 (13)	52,7 (26)	51,7 (7)	53,1 (6)	54,7 (21)
77. Назомалярный угол	145,5 (13)	147,5 (11)	143,9 (26)	145,5 (8)	147,3 (9)	146,0 (22)
∠ <i>zm'</i> Зигмаксиллярный угол	137,3 (12)	136,3 (8)	136,6 (24)	135,7 (7)	133,8 (8)	131,1 (20)
75(1). Угол выступания носа	24,5 (12)	20,1 (8)	24,4 (21)	22,0 (7)	18,3 (6)	19,1 (15)

тельной части ангарского населения серовского этапа на верхнюю Лену, где она и сформировала основной антропологический комплекс, характерный для племен Лены глазковского этапа. Такие переселения вообще не редкость в древности, в данном случае толчком ему могли послужить неблагоприятные условия рыболовства и охоты в какой-то сезон или на протяжении ряда лет. Так как в целом экологические условия на Лене ничуть не менее благоприятны, чем на Ангаре, начавшийся под влиянием случайного внешнего толчка процесс расселения мог приобрести перманентный характер. Во всяком случае, отмеченное сходство объясняется подобной гипотезой.

Среди обсуждавшихся в предшествующих исследованиях по палеоантропологии неолитических культур Прибайкалья несомненно важной является проблема наличия или отсутствия европеоидной примеси в составе неолитических племен бассейна Лены. Авторы отчетливо осознают трудность этой проблемы и поэтому вместо того, чтобы предлагать ее альтернативное решение, ограничиваются кратким перечислением тех фактических наблюдений, какие первостепенно важны для любого будущего исследователя.

Каковы критерии отделения смешанных популяций от недифференцированных? К настоящему времени накоплены обширные данные по смешанным группам, т. е. таким группам, антропологические особенности которых заведомо сложились в процессе смешения представителей различных расовых типов. Сравнительный анализ этих данных привел к выводу о том, что, во всяком случае по измерительным признакам, смешанные популяции занимают место между исходными, пропорционально доле участия родительских популяций в смешении²⁶. В общем такой вывод, по-видимому, отражает действительность, хотя имеются и исключения. В качестве одного из них укажем на увеличение размеров тела и некоторые другие, не занимающие промежуточного положения признаки у русского старожильческого населения Сибири, вобравшего какую-то долю коренного населения и выходящего по этим признакам за пределы

²⁶ J. Trevor. Race crossing in man.— «Eugenics laboratory memoirs», vol. XXXVI, Cambridge, 1953.

Сопоставление хронологических и территориальных групп населения верхней Лены и Приангарья по методу Гейнке. Мужские черепа: 1 — размеры черепной коробки; 2 — размеры лицевого скелета; 3 — уплощенность и вертикальная профилировка лицевого скелета. Прерывистая линия обозначает различия по сумме всех трех групп признаков

их вариаций и у коренных сибирских народов, и у русских Восточной Европы²⁷. Однако, повторяем, такие исключения нечасты, и представлением о промежуточном между родительскими формами характере варьирования признаков в смешанных группах можно пользоваться (с известными ограничениями, конечно) в практической работе. По отношению к дискретным признакам отклонения от промежуточного положения находят себе объяснение в степени доминирования, по отношению к трансгрессивно варьирующим измерительным — в явлениях гетерозиса, т. е. увеличения размеров в первом поколении после начала смешения. Эффект гетерозиса в органическом мире широко известен и часто используется в практической селекции, но и у человека он отмечен в ряде случаев²⁸.

Начиная с первых антропологических работ, так что сейчас трудно даже назвать автора этой идеи, укоренилось в антропологии представление, согласно которому недифференцированные, исходные для двух или нескольких рас популяции должны отличаться несбалансированным комплексом признаков, по некоторым из них сближаясь с представителями одной расы, по иным — с представителями другой. Несмотря на более чем вековую историю антропологических исследований, поиск таких популяций в целом не увенчался успехом: хотя наличие отдельных расовых вариантов, сближающихся по единичным признакам с далекими расовыми группами, не вызывает сомнения (например, близкая к монголоид-

²⁷ В. В. Бунак. Русское население в Забайкалье.— «Антропологический сборник». IV (ТИЭ, т. 82). М., 1963; Г. М. Давыдова. Антропологические исследования среди семейских русских Забайкалья.— Там же; В. П. Алексеев, Ю. Д. Беневоленская, И. И. Гохман, Г. М. Давыдова, В. К. Жомова. Антропологические исследования на Лене.— «Сов. этнография», 1968, № 2; «Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк». М., 1973.

²⁸ См., например: F. Hulse. Exogamie et heterosis.— «Archives suisses d'anthropologie generale», t. 22, № 1—2, 1958.

ной уплощенность лица и даже эпикантус у бушменов и готтентотов)²⁹, сейчас уже можно сказать, что они в расовом составе земного шара составляют ничтожное меньшинство. Проблема расовой изменчивости и характера исходных форм на подвидовом уровне в общей биологии пока не очень разработана и мало может помочь в подходе к интересующему нас вопросу. Все же за неимением другого будем пользоваться традиционным антропологическим представлением о морфологических особенностях исходных популяций, тем более что редкость популяций с такими особенностями может объясняться и исчезновением их на каких-то сравнительно ранних стадиях расообразования³⁰.

Возвращаясь к проблеме наличия или отсутствия европеоидной примеси в составе неолитического населения Прибайкалья и более узко — в составе неолитического населения бассейна Лены, сразу же отметим, что мнение М. Г. Левина о смешанности этого населения, основанное на усилении выраженности монголоидного комплекса к востоку от оз. Байкал, сейчас как будто подкрепляется новыми данными. Прежде всего следует сказать в этой связи о первой неолитической находке из Приморья — черепах из пещеры «Чертовы ворота», описанных Т. С. Балуховой³¹. Все основные черты монголоидного комплекса выражены на этих фрагментарных черепах исключительно резко. Немалое значение имеют и более поздние материалы, происходящие из могильников к востоку от Байкала и не несущие в своем составе никакой европеоидной примеси. Это небольшая серия из плиточных могил Забайкалья³², это и материал из мохэских могильников у с. Троицкого³³. Однако справедливости ради нельзя не признать, что аргумент в пользу европеоидной примеси в неолите Прибайкалья, основанный на характере географической изменчивости европеоидного и монголоидного комплексов и усилении выраженности монголоидных особенностей с запада на восток, сам по себе далеко не бесспорен: чисто теоретически можно себе представить, что именно в промежуточной области между исходными ареалами европеоидной и монголоидной рас на ранних этапах расообразования, в верхнем палеолите и неолите, сохранялись нейтральные формы морфологически промежуточного характера.

Рассмотрение собственно морфологического типа населения Лены и Прибайкалья в целом также не дает однозначного ответа. Выделенные М. Г. Левиным в Верхонском могильнике черепа с европеоидными особенностями, строго говоря, могли бы быть обнаружены в любой и недифференцированной, а не только смешанной серии, так как сдвиг в европеоидном направлении на них очень умеренный. Черепа с резко выраженными монголоидными особенностями, часто встречающиеся в серии, могут также быть в недифференцированной европеоидно-монголоидной популяции. Характер сочетания средних больше соответствует гипотезе смешанного происхождения — ослабление выраженности монголоидных признаков видно по всему комплексу. Об этом же говорят и вычисленные М. Г. Левиным коэффициенты корреляции из серии из Верхонского могильника. Но все же налицо какая-то несогласованность в вариациях разных признаков — вспомним и различия в выступании носа на черепах

²⁹ Не следует забывать и о возможности конвергентного возникновения этих особенностей: С. А. Семенов. О сложении защитного аппарата глаз монгольского расового типа. — «Сов. этнография», 1951, № 4.

³⁰ Об этом уже говорилось: В. П. Алексеев. Энеолитический череп из Красноярска (к вопросу о южной примеси в населении Алтае-Саянского нагорья). — КСИЭ, в. XXIV, М., 1960.

³¹ Т. С. Балухова. Краниологический материал неолитического слоя пещеры «Чертовы ворота» (Приморье). — «Вопросы антропологии», в. 58, 1978.

³² И. И. Гохман. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья. — «Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XVIII, М. — Л., 1958.

³³ Неопубликованные материалы В. П. Алексеева.

серовской и глазковской стадий из ленских могильников при одинаковом горизонтальном профиле, и различия в размерах лица при сходстве в уплощении лица и носа на ленских и ангарских черепах. Таким образом, любой сторонник гипотезы недифференцированности также сможет найти поддержку в межгрупповых вариациях средних как внутри ленской, так и внутри ангарской группы.

Резюмируем. Различия между серовской и глазковской сериями из бассейна Лены невелики по масштабу и не позволяют предположить, что в них представлены антропологические комплексы разного происхождения. В них представлен единый комплекс с локальными вариантами, в целом тот же самый, что и на Ангаре. Большое сходство глазковской серии с Лены с ангарскими по сравнению с серовской приводит к выводу, что ангарское население в эпоху глазковского этапа распространилось в верховьях Лены. Малочисленность китойской серии на Лене лишает нас возможности проверить гипотезу забайкальского происхождения китойского населения подобно тому, как это было сделано, когда такая гипотеза оказалась справедливой по отношению к китойским племенам на Ангаре. Что касается наличия европеоидной примеси в составе неолитического населения Лены и всего Прибайкалья в целом, то вопрос о ней остается открытым.

TO THE PALAEOANTHROPOLOGY OF THE NEOLITHIC IN THE UPPER REACHES OF THE LENA

A review of all Neolithic palaeoanthropological materials from the upper Lena drainage area shows only small and on the whole irregular differences between the Neolithic populations of the Lena and the Angara areas. It may be surmised that in the Glaskov period certain human groups moved from the Angara to the Lena. The problem of the Caucasian admixture, which has been repeatedly discussed in the course of research into the palaeoanthropology of the Baikal area, cannot at present be resolved definitely: there are arguments of equal weight in favour of interpreting the weakened Mongoloid complex in the Neolithic population of the Baikal area within the framework of the hypothesis of racial mixing and, alternatively, that of non-differentiation.